

ОТ ПХЕНЬЯНА ДО НЬЮ-ЙОРКА: ЖИЗНЬ ДИПЛОМАТА И УЧЕНОГО

«Без галстука» №54 с Георгием Толорая

От редакции: ПИР-Центр продолжает серию «Без галстука» – цикл неформальных интервью с нашими коллегами, друзьями, экспертами, внесшими весомый вклад в дело становления и развития нашей организации на различных ее этапах.

Сегодня, 3 апреля, свой день рождения празднует Георгий Давидович **Толорая** – доктор экономических наук; член Группы экспертов по КНДР при СБ ООН; заместитель председателя правления Национального комитета по исследованию БРИКС; Заведующий Центром российской стратегии в Азии Института экономики РАН, член Экспертного совета ПИР-Центра с 2013 г.

Георгий Давидович поделился с нами воспоминаниями о своей юности, рассказал о специфике дипломатической работы на Корейском полуострове и собственном опыте знакомства с северокорейской моделью коммунизма, трудах на поприще науки и публичной дипломатии; припомнил несколько забавных историй, связанных с профессиональной деятельностью, а также любезно поделился девизом, которым руководствуется по жизни.

Детство в творческой семье

Я был единственным ребенком в семье, а потому довольно избалованным и сильно опекаемым. Многие мои родственники по маминой линии, бывшие традиционными московскими разночинцами, хотя и ведущими свой род от переселившегося в Россию в начале XIX в. потомка французских гугенотов, были так или иначе связаны с музыкой или театром. Мама была виолончелисткой, она играла в оркестре Большого театра, потом ушла в драматический театр имени А.С. Пушкина. Бабушка была оперной певицей в Большом театре, прадедушка еще до Революции – театральным антрепренером, а прапрадедушка – балетным танцором.

*Прабабушка и прадедушка Г.Д. Толорая –
Сергей и Екатерина Алексеевы*

Мама много времени проводила на гастролях. Отец тоже часто бывал в командировках. Он был ведущим специалистом в СССР по железобетону, работал в том числе на Семипалатинском ядерном полигоне, где отвечал за бетонные работы. Поэтому значительную роль в моем воспитании сыграли именно бабушка с дедушкой. Бабушка всегда держала меня в ежовых рукавицах, но при этом далеко от себя не отпускала. То есть были все условия, чтобы стать эгоистом и бунтарем одновременно.

Хотя мои родители были далеки от дипломатии, у отца был родственник, который после ополчения и сражений за линией фронта в партизанских отрядах был определен на работу

в Народный комиссариат иностранных дел. Ему, в частности, поручали доставку секретных дипломатических посланий и другой диппочты, включая личные письма от И.В. Сталина к Ф. Рузвельту. У него даже сохранилась трубка И.В. Сталина. С этим связана забавная история. Когда он был вызван вместе с В.М. Молотовым в кабинет Сталина, те отошли в соседнее помещение, На столе, как он вспоминает, в ряд стояли трубки генералиссимуса. Дядя Коля взял одну посмотреть, и в этот момент зашел сам Сталин. Он машинально засунул трубку в карман. Затем они переговорили по-грузински о порядке передачи документов, и Сталин отдал ему новое письмо, которое «курьер» положил в карман. Достать трубку из кармана он побоялся, вдруг Сталин рассердился бы. Прощаясь, Сталин ему сказал: «Помни все, что я тебе сказал, и береги то, что у тебя в кармане».

Тяга к международной

В отделении ООН в Вене, Австрия

Мне повезло, что я попал в Первую спецшколу в Сокольниках, где родился и вырос, с углубленным изучением английского. Там учились *блатные* дети – дети коммунистических лидеров, в том числе зарубежных, журналистов. С одним из моих однокашников родом из Индии мы сейчас сотрудничаем по линии БРИКС (*Нандан Унникришнан – индийский эксперт, почётный научный сотрудник индийского фонда Observer Research Foundation, член Экспертного совета ПИР-Центра с 2023 г. – Прим. ред.*). Еще там учились и Вячеслав Никонов (*первый заместитель председателя Комитета Госдумы ФС РФ по международным делам, Председатель правления фонда «Русский мир» – Прим. ред.*), и Посол Сергей Бацанов, работающий по ядерной проблематике, и научный руководитель Института Латинской Америки Владимир Давыдов, с которым мы также сотрудничаем по проблематике БРИКС. Так что *old boys net* существует и в России тоже.

Думаю, именно потому, что я учился в этой спецшколе, у меня сформировался интерес к международным отношениям. Я рос на песнях и музыке *The Beatles, Rolling Stones, Led Zeppelin*, на английской литературе и прессе. У меня были хорошие учителя. Помню замечательного преподавателя по техническому переводу Н.Д. Чебурашкина, который еще на первом занятии сказал, что не слова нужно переводить, а мысли.

Г.Д. Толорая играет на бас-гитаре (в центре)

Я каким-то чудом поступил в МГИМО (туда шли многие наши выпускники). Родители мой выбор не очень приветствовали. Папа считал, что я должен заниматься *настоящей наукой*, чем-то прикладным, например, физикой или химией, которой я, кстати, в детстве увлекался. Отец с большим подозрением относился ко всему, что было связано с политикой, с общественно-гуманитарными дисциплинами. Он сам закончил карьеру в качестве замдиректора головного всесоюзного института железобетона, хотя так и не вступил в партию. Это было большое научно-производственное объединение, имевшее производственные базы по всей стране. Мама же понимала, что по фамильным стопам музыканта я не пойду, хотя я научился играть на бас-гитаре, подвизался даже в ансамбле при нашем посольстве в КНДР – вместе с нынешним послом России в этой стране – и вообще люблю музыку, особенно рок-н-ролл. Недавно, например, был на классном концерте постпанк группы *Franz Ferdinand*.

В МГИМО увлекся корейской проблематикой

Когда я поступал в МГИМО, очень хотел изучать шведский, потому что много слушал радио *Швеция*. Кажется, это было единственное западное радио в СССР, которое не глушили. Там играла хорошая музыка, были интересные передачи, и как-то я заинтересовался страной. Другим языком, который я был бы готов выбрать, был японский, потому что я как раз прочитал тогда книжку «Ветка сакуры» Всеволода Овчинникова (*советский и российский журналист-международник, писатель-публицист, востоковед – Прим. ред.*). Но дали мне, в итоге, корейский язык. В те годы он считался «мертвым», прямо так и говорили.

В советское время связей с КНДР, *идущей своим путем*, было очень мало, никто и не был заинтересован в том, чтобы туда поехать работать. Поэтому поначалу мне было не очень интересно заниматься корейской проблематикой. Но потом я все-таки увлекся. Я стал изучать и Южную Корею, что тогда было чуть ли не под запретом: эта страна – полуколониальная диктатура, хотя и быстро развивающаяся, – безусловных симпатий не вызывала. С первого курса я писал работы по южнокорейской экономике, о ней в то время практически ничего не знали.

Непростая жизнь в Пхеньяне, или коммунизм по-корейски

После учебы меня распределили на работу в советское торгпредство в Северной Корее. Там меня сразу же взяли с собой на переговоры и сказали: «Переводите!». И тогда я понял, что несмотря на все свои пятерки по корейскому языку, корейцев я совсем не понимаю. А они,

в свою очередь, понимали лишь некоторые слова, которые я произносил, и то, отчасти, потому что эти слова подходили по контексту.

На конференции в Пхеньяне, конец 1980-х гг.

Жизнь была в Пхеньяне непростая. В 1970-1980-е гг. не было телефонной связи, кроме выделенных номеров для контактов с иностранцами, телевидения, не то, что интернета. Спасались спортом и преферансом. Раз в неделю нам привозили письма. Из Владивостока еще завозили советские продукты: сметану, творог, колбасу. Были хорошо налажены поставки элитных коньяков и водки, хотя следили, чтобы мы, дипломаты, ими особо не увлекались – от скуки. В город мы выходили редко, ограниченно: северокорейцы особо никуда не пускали. В Пхеньяне было всего несколько ресторанов и магазинов для иностранцев. Кроме продуктов, потребительских товаров почти никаких и не было.

Г.Д. Толорая (в центре) в составе рок-ансамбля «Надежда» при Посольстве СССР в КНДР, 1978 г.

От дипломатии к науке

После работы в торгпредстве в Пхеньяне я решил заняться наукой. Поэтому пошел в аспирантуру Института экономики мировой социалистической системы Академии наук СССР. Это был уникальный институт. Он был создан отдельным постановлением ЦК КПСС и занимался исследованиями экономики и политики в социалистических странах, причем отнюдь не комплиментарными. Институт готовил материалы, часто критические, для руководства страны и проводил исследования по заказам директивных органов, оказывал

свое влияние на формирование внешней политики. В те годы это было одно из немногих мест, помимо Института востоковедения, где занимались КНДР. Мы также писали монографии. Я недавно нашел свою первую монографию в интернете. У меня ее экземпляр в бумаге не сохранился, поскольку тогда она проходила под грифом «для служебного пользования». Сейчас же ее открыто продают.

*Со старшей дочерью Аленой. Город Даньдун, Китай.
На границе с КНДР*

Во всех торгпредствах и посольствах в социалистических странах тогда работали по два представителя от Института. В качестве такого представителя меня скоро снова отправили в КНДР. Я тогда уже защитил диссертацию, женился, у меня старшая дочка Алена родилась. Это были 1984-1987 гг. – расцвет отношений между КНДР и СССР. Было много поездок по стране – туда, где в общем-то потом никто и не бывал из иностранцев. В этот период я впервые столкнулся с ядерной проблематикой: в КНДР был построен наш исследовательский реактор, инспекторы МАГАТЭ приезжали осматривать реактор в Нёнбёне (*уезд в КНДР, чаще упоминается в южнокорейском варианте как Йонбён – Прим. ред.*). Но я занимался, естественно, больше экономическими вопросами.

Наш Институт был достаточно оппозиционным по духу. Там работали многие *не вписавшиеся в партийную иерархию* мудрейшие люди, которых собирал и опекал глава Института академик Олег Богомолов. У нас иногда собирались деятели, которые выступали отнюдь не с позиций политэкономии социализма. Например, Борис Ельцин к нам приезжал, или Гавриил Попов. Но нас нельзя было назвать классическими либералами, большинство ученых скорее выступали за китайский путь, то есть считали, что в первую очередь необходимо было бы провести экономические преобразования рыночного характера при сохранении политической структуры. Михаил Горбачев, хотя некоторые из Института, включая нынешнего научного руководителя Руслана Гринберга, стали позднее его личными друзьями, сделал все наоборот, и получилось так, как получилось.

Советские первопроходцы в Республике Корея

В позднесоветское время появился растущий интерес к успешному *азиатскому тигру* – Республике Корея, многие видели в ней образец для развития и перспективного экономического партнера для СССР. Из-за нежелания вконец испортить отношения с Северной Кореей связи с Сеулом осуществлялись исключительно по негосударственной линии, поскольку северокорейцы очень возражали против официального признания Южной Кореи Советским Союзом и развития каких-либо контактов между двумя странами. Но нам хотелось вести с южнокорейцами торговлю. Придумали развивать ее

через Торгово-промышленную палату, которая формально была независимой структурой, хотя на деле являлась одним из подразделений Министерства внешней торговли СССР. В рамках Палаты был создан Советско-южнокорейский совет по экономическому сотрудничеству. И меня как одного из немногих специалистов по Южной Корее назначили его ответственным секретарем.

К нам стало приезжать много делегаций из Южной Кореи, и мы тоже ездили туда в командировки. В те годы я завел знакомство со всеми бывшими и будущими президентами Республики Корея, познакомился с основателем *Hyundai* Чон Чжу Ёном, мы его возили по всему СССР. Он нам потом подарил компьютер для нашего Совета. Крепкие отношения сложились с руководителями фирм *Daewoo*, *Lucky Goldstar* (теперь LG). Это был очень интересный период, период становления отношений с Южной Кореей. Я был одним из тех, кто протапывал эти первые тропы.

Все это привело к тому, что в 1990 г. были установлены дипломатические отношения между Южной Кореей и СССР. Но можно сказать, что я таким образом подрубил тот сук, на котором сидел. Когда были установлены официальные каналы взаимодействия, неправительственные отошли на второй план. И я это понимал.

Возглавил корейский отдел МИД России

Следом случился путч. Я, послушав с утра радио, бросился в Москву с дачи. Белый дом я не защищал, но сидел на работе возле Кремля, видел все, было тревожно. Уже тогда я, всецело поддерживая отказ от доказавшей свою несостоятельность коммунистической системы, к которой у меня после близкого профессионального знакомства с ее экстремальным вариантом в КНДР симпатий не было никаких, не был согласен с тактикой *демократов* и всплывших на этой волне авантюристов и жуликов. Считаю, что со стороны Бориса Ельцина это было политиканство. Развал страны, целостной системы – это слишком большая цена за переход к другой формации.

После распада Советского Союза начались пертурбации в МИДе, у меня появилась возможность туда перейти на работу, и я возглавил корейский отдел, многие из коллег в котором были старше и опытней меня. Именно поэтому я не старался выступать в качестве *новой метлы*, сохранил кадры и сумел не допустить закрытия и сокращения наших диппредставительств в Северной Корее. У тогдашнего министра иностранных дел Андрея Козырева были такие настроения, что на КНДР надо было поставить жирный крест, изолировать, а потом объединить с Южной Кореей. Я считал, что это объединение будет трагедией, которая приведет к огромному количеству жертв и разрушений, причем эти последствия ощутят и Россия, и Китай. Еще я понимал, что объединенная Корея, которая вряд ли избавится от американского влияния, для России особым другом не станет.

*С будущим президентом Республики Корея
Ли Мен Баком (Г.Д. Толорая в центре)*

Я до сих пор так думаю. Еще до сих пор верю, что КНДР можно преобразовать, как мы тогда придумали термин «конвенционализировать», но это возможно только при сохранении ее государственности. А для этого нужно дать государству и элите, что бы про ее представителей ни говорили, гарантии безопасности, помочь инвестициями и создать там рыночную экономику, включить в региональное и глобальное разделение труда на равноправной основе. При этом Россия могла бы сыграть важную роль как потребитель ресурсов и источник технологий, на основе которых традиционно строилась вся северокорейская промышленность. Но, конечно, в нынешних условиях глобальной конфронтации, элементом которой является и Корейский полуостров, это не более чем прекраснотушные мечты. Северокорейцы видят свой идеал в том, чтобы оставаться *непобежденной крепостью*. Наверное, нам, да и никому, их не переделать. А они указывают нам на конфликт с Западом, вылившийся в военные действия на Украине, и пеняют: «Говорили вам, к чему ведут уступки империализму».

А вообще северокорейцы и южнокорейцы похожи тем, что очень упрямые. Я поработал и с теми, и с другими. И могу сказать, что это их общая черта характера. И дело не в том, коммунисты они или не коммунисты.

О том, как здание для российского посольства *отвоевывали*

*Церемония открытия нового Посольства
Российской Федерации в Республике Корея, 27 июля 2002 г.*

Когда я возглавил корейский отдел в нашем МИДе, отношения с Южной Кореей только начинали развиваться, было масса нового, множество новых знакомых, визитов. Российских политиков, бизнесменов, властителей дум принимали на самом высоком уровне, проявляли к России большой интерес. У нас были хорошие личные отношения со ставшим в 1993 г. Президентом страны Ким Ен Самом, который приезжал к нам и принимал нас еще до участия в выборах (на чем и заработал неплохой политический капитал). Были личные завязки с будущим генсеком ООН Пан Ги Муном. До сих пор у меня на стене висит лично написанная для меня каллиграфия Нобелевского лауреата Ким Дэ Чжуна, с которым я свел знакомство еще до того, как он стал Президентом Республики Корея. Капитаны корейского бизнеса – тогда еще были живы легендарные основатели корейских *чэболей* – не жалели времени для общения с нами, иногда в роскошной обстановке собственных пентхаузов, сидя под оригиналами картин великих мастеров. Будущий Президент Ли Мен Бак, тогда руководитель фирмы Хёндэ, накрывал для нас стол в собственном частном доме...

Но своих ресурсов было мало. Помню интересную историю, связанную с получением здания для российского посольства.

Дипломатические отношения между Кореей и Россией были установлены в 1884 г. Наш первый посланник Карл Вебер купил землю для дипломатической миссии Российской империи в самом центре Сеула, рядом с королевским дворцом. Архитектор С. Субботин построил там очень красивое здание, рядом с ним вскоре возвели православный храм. Были легенды, что из королевского дворца в дипмиссию вел тайный ход. Об этом неизвестно достоверно. Однако, когда японцы начали *безобразить* в Сеуле, корейский король сбежал в российскую миссию и год укрывался там.

В 1910 г. Корея стала колонией Японии и российское посольство было преобразовано в генеральное консульство. Так и было до 1945 г, до освобождения Кореи. Здание использовалось то же самое. В нем еще находилась советско-американская комиссия по объединению Кореи. С началом Корейской войны в 1950 г. все дипломаты оттуда уехали, здание бывшего российского и советского представительства разбомбили. Участок, на котором оно располагалось, заняли беженцы, а потом землю вовсе национализировали, она стала государственной.

Когда Россия и Республика Корея устанавливали дипломатические отношения, южнокорейцы сами стали напоминать нам о том, что, мол в Сеуле у нас есть земля. Южнокорейцы нас заманивали: «Давайте скорее установим дипотношения, территория для вашего посольства уже есть». Но подписание документов было поспешным и уже после этого, когда мы вспомнили об обещаниях, нам сказали: «А может, эту землю вам еще король подарил. Где сказано, что она и сейчас вам принадлежит, если эта земля потом была национализирована?». То есть уже все, поезд ушел.

Благодаря нашей настойчивости, в частности посла Георгия Кунадзе, мы все же нашли копии купчих в архивах в Санкт-Петербурге, предъявили документы и юридические аргументы корейцам. Конечно, землю нам так и не удалось вернуть, потому что она была уже застроена южнокорейцами, но выбили обещание о компенсации и началась борьба за ее сумму. В итоге мы получили от них 27,5 млн долларов, причем немалую роль в положительном решении сыграли как раз наши личные связи с руководителями государства, сейчас бы это вряд ли удалось. Договорились и об обмене участками в столицах (наш участок нашел тогдашний торгпред С.А. Петров). Причем корейцы не приняли во внимание даже протесты со стороны США, резиденция посла которых, по

мнению американцев, слишком хорошо просматривается и прослушивается с новой территории российской миссии. Мы на эти деньги построили новое российское посольство, которое стоит в Сеуле и по сей день.

От эйфории к разочарованию

Церемония подписания одного из коммюнике между Российской Федерацией и Республикой Корея (Г.Д. Толорая – на заднем ряду третий слева)

Надо сказать, что история с нашим Посольством в Сеуле связана с тем, как шла подготовка соглашения об установлении дипломатических отношений между еще СССР и Республикой Корея. В подготовленном нами документе было написано, что мы устанавливаем отношения с 1 января 1991 г. Тогда министром иностранных дел СССР был Эдуард Шеварнадзе. За некоторое время до подписания этого документа он поехал в КНДР, чтобы лично сообщить северокорейцам, что мы с южнокорейцами дипломатические отношения собираемся установить. А ведь за пару лет до этого он лично давал Ким Ир Сену (*основатель северокорейского государства и его руководитель в 1948-1994 гг. – Прим. ред.*) «честное партийное слово», что делать этого не будем.

Ким Ир Сен не принял нашего Шеварнадзе, с ним встретился Ким Ён Нам, председатель Президиума Верховного Народного Собрания КНДР. Он тогда прямо сказал, что в условиях наличия в Южной Корее ядерного оружия (*имеется в виду американское тактическое ядерное оружие, размещенное на территории Южной Кореи – Прим. ред.*), Северная Корея будет вынуждена создавать собственное противодействующее оружие. Это было первое заявление о том, что северокорейцы собираются создавать ядерную бомбу.

Шеварнадзе тогда обиделся. Тут как раз он приехал на заседание Генеральной Ассамблеи ООН, где договорились подписать соглашение об установлении дипотношений. Ему подсунили какую-то статью из северокорейской прессы с названием «Дипломатия, продающаяся за доллары». Он подумал, что это про него, и еще больше обиделся. В итоге на церемонии подписания документа об установлении дипотношений с Республикой Корея он зачеркнул дату «с 1 января 1991 г» и написал «с сегодняшнего дня», т.е. с 30 сентября. Время, которое дипломаты хотели использовать для решения щекотливых вопросов (участок под Посольство, кредиты), он у них отнял.

Когда я был назначен одним из руководителей нашего Посольства в Сеуле, вселяться пришлось в арендованное здание, по одобрительному определению одного из мидовских

хозяйственников, *похожее на Мавзолей*. От него до местного МИДа надо было ехать час. Кстати, когда случилась первая *ядерная тревога* на Корейском полуострове в 1994 г., я был как раз в Сеуле. Нам всем тогда было ясно, что американцы не станут воевать с северокорейцами. Потерпеть поражение они могли еще до создания ядерного оружия КНДР хотя бы из-за большого количества северокорейской дальнобойной техники, которая размещалась на границе демилитаризованной зоны. Так что в целом работа в Сеуле в 1990-е гг. была позитивной: в *открытую* недавно страну валом валили политики и бизнесмены, завязывалось много новых контактов, осуждались интересные проекты и будущее внушало много ожиданий.

Мы – не Европа, а все-таки же враги

После работы посланником в Сеуле я по приказу Евгения Примакова (*министр иностранных дел РФ с 1996 по 1998 гг., крупный отечественный государственный деятель – Прим. ред.*) вернулся в 1998 г. в Москву на работу в центральном аппарате нашего МИДа. Отношения с Республикой Корея уже начали портиться, причем это касалось даже нас лично - пострадал, например, мой добрый знакомый, предшественник на посту замдиректора департамента, который был обвинен в том, что южнокорейские спецслужбы его завербовали, хотя это было табу для дружественных стран. *Южане* всячески вмешивалась в наши отношения с *Севером*, пытались их подорвать. Тогда уже стало понятно, что с южнокорейцами кашу не сваришь. Мы раньше, в позднесоветское и ране-демократическое время считали, что разговоры о том, насколько Республика Корея зависима от американцев, всего лишь плод советской пропаганды. Но все так и было на самом деле, высокая степень этой зависимости только подтвердилась. Договориться о чем-либо было сложно, южнокорейцы быстро разочаровались в России: они-то устанавливали отношения со сверхдержавой, которая, как они надеялись, поможет решить их спор с Северной Корей, а на деле пришлось столкнуться с хаосом постсоветской действительности 1990-х гг., в которой они ничего поначалу понять не могли. Ориентировались на американцев, а те не особо хотели толкать в наши объятия своих сателлитов.

Во время одной из рабочих поездок в Европу, 2022 г.

Как-то, в году в 1995 г. в период *дружбы Билла-Бориса*, работая в Сеуле, я пришел в администрацию американской военной базы, с просьбой, чтобы сына нашего посла допустили к учебе в местной школе на американской военной базе, и чтобы нашим дипломатам разрешили посещать продуктовый магазин, который размещался здесь же. Но

бравый полковник-комендант мне ответил: «Россия – у нас в списке враждебных стран, *hostile country*. Вот он еще другие страны включает: Сирия, Иран, Ирак». О чем это? О том, что ничего не изменилось. Для них мы были все такие же враги. И не важно, строили мы демократию или нет.

Или помню еще один эпизод. Посетил как-то встречу в Сеуле с деятелем из ЕС. Высокого ранга был человек. Он стал рассуждать о будущем Европы. Смысл был в следующем: все понимают, что ЕС останавливается на границах России и что Россия – это никакая не Европа. Он не знал, что на встрече присутствуют «русские» – наш посол и я. Мне его слова тогда очень запомнились, а ведь сказаны они были в самый разгар демократических преобразований в России. Это были примерно 1996–1997 гг.

Как первый визит Владимира Путина в КНДР готовили

Интерес американцев по отношению к Корейскому полуострову был всегда в том, чтобы задавить Северную Корею и добиться ее объединения с Южной Кореей в единую страну. В таком случае американцы могли бы расширить свое влияние и выйти к границам Китая. Это был еще один повод снова развернуться к КНДР и развивать с ней отношения, чтобы избежать военный конфликт.

С КНДР мы решили подписать новый базовый договор о сотрудничестве взамен советских времен *союзного*. После моего возвращения в Москву мы его согласовали примерно за год и уже в феврале 2000 г. подписали на уровне министров в Пхеньяне (это был первый визит в Пхеньян российского министра после Шеварднадзе), Президентом России как раз стал Владимир Путин. Это Борис Ельцин ничего слышать про Северную Корею не хотел, а Владимир Путин был далек от всех этих предрассудков.

В честь 56-ой годовщины со дня освобождения территории Кореи войсками Советской армии от японских оккупационных сил, 15 августа 2001 г.

Был у меня в профессиональной жизни эпизод как в кино про Джеймса Бонда. Мы с нашими руководителями пришли к выводу, что было бы неплохо, если бы новый российский лидер посетил Северную Корею. Во-первых, сам по себе он был непредвзятым по отношению к КНДР. Во-вторых, в 1998 г. в Южной Корее была провозглашена политика *солнечного тепла*, которая предполагала активизацию взаимодействия и налаживание контактов между двумя Кореями. В-третьих, уже возникла проблема ядерной программы КНДР. Мы подумали, что президент Путин мог бы приехать в Северную Корею, встретиться с ее руководством, а после отправиться на заседание *стран семерки* в Японию, чтобы всем

доказать: с КНДР можно договориться об отмене или хотя бы приостановлении ракетно-ядерной программы.

Но *напрашиваться* было неудобно. На одном из мероприятий в Посольстве КНДР в Москве я отошел в сторонку, отозвав представителя определенных северокорейских структур. Мы вышли на балкон с бокалами виски со льдом. И я ему прямо сказал, что у нас есть идея организовать визит российского президента в Пхеньян и растолковал, что надо сделать. Через неделю встречу с нами запросил северокорейский посол, который принес приглашение на имя Владимира Путина с никогда до этого никем из иностранцев не виданной личной подписью Ким Чен Ира (*сын Ким Ир Сена, руководитель КНДР с 1994 по 2011 гг. – Прим. ред.*). В итоге нам удалось организовать первый визит высшего руководства страны в КНДР. Даже в эпоху СССР такого не было. Никита Хрущев, например, до Северной Кореи так и не доехал, северокорейцы это до сих пор простить не могут.

Визит был очень запоминающийся. Российского лидера встречал лично Ким Чен Ир в аэропорту (тогда я впервые пожал ему руку) и миллион пхеньянцев с цветами на улицах. В длительных и содержательных беседах в резиденции вождя, где мы жили (запомнились ванны из оникса), речи шли и о ядерной, и о ракетной программе КНДР. Руководители лично согласовали последние штрихи совместной декларации, что по-новому позволило взглянуть и на Корейский полуостров, и на восточную политику России в целом. Думаю, мы внесли определенный вклад в то, что во взрывоопасном регионе дело так и не дошло до войны. В отличие, к сожалению, от других мест. После визита Путина в Пхеньян между двумя лидерами шла переписка, и Ким Чен Ир трижды посетил Россию на своем личном поезде.

*Проводы Ким Чен Ира на станции Хасан, 2001 г.
(Г.Д. Толорая второй слева)*

Особенно запомнилась первая поездка, продолжавшаяся целый месяц. Для российских железных дорог, да и местного населения, это было, откровенно скажем, серьезное испытание. Но удалось показать северокорейскому лидеру новую Россию. Это кое-что изменило в их мировоззрении тоже. Мне довелось сопровождать вождя на большей части этого пути. Вместе с одним из самых моих близких друзей Андреем Карловым, назначенным послом в КНДР (позднее он пал смертью храбрых на посту посла в Турции и посмертно стал Героем России; не могу сдержат слез при мысли о нем), было много посещений городов по Транссибу, совместных долгих бесед *за рюмкой чая*. Исторические путешествия.

Занесло в Австралию

После этого Андрей [Карлов] отправился в Пхеньян, а я тем временем был командирован в Австралию на пост Генерального консула в Сиднее (надо сказать, одно из самых завидных назначений в дипслужбах всех стран мира). Но меня после азиатских стран работа совсем не впечатлила. Я как раз тогда читал произведение Харуки Мураками «Страна Чудес без тормозов и Конец Света». Главный герой попадает в город, откуда нет выхода, где ничего не происходит и где он сам от всех оторван. Потом выясняется, что это все происходит в его голове. Но у меня в Австралии было именно такое ощущение – я попал на край света, здесь ничего не происходит, а я совершенно изолирован.

Я привык жить в Азии, там города живые, там все кипит и бурлит. В Австралии же все тихо и спокойно, в столице помню, в 21:00 уже все магазины и рестораны были закрыты. Австралия – это такая *англосаксонская дача*, санаторий. Туда ездят отдыхать и расслабляться. Кстати, ментально австралийцы ближе к британцам, чем к американцам. Им свойственны английские привычки, принципы, это достаточно консервативная страна, очень неспешная. Одним словом, большая коала.

*С премьер-министром Австралии Джоном Говардом
(Г.Д. Толорая второй слева)*

Двусторонних и политических проблем было немного, но я свел знакомство с очень интересными людьми – российским соотечественникам пяти волн миграции, среди которых наиболее влиятельная – харбинская, то есть наши люди с КВЖД, белоэмигранты, после революции в Китае вынужденные перебраться куда подальше. Меня поразили их чистый русский язык, незамутненный характер, православная закалка, доброжелательность. Во времена СССР разные волны миграции не очень между собой ладили. Пришлось их мирить, и у меня в Генконсульстве все они собирались. Со многими поддерживаю отношения до сих пор. Но также я продолжал в свободное время заниматься и корейскими вопросами. Даже умудрялся вырываться на всякие конференции и мероприятия, хотя не всем мидовским бюрократам это было по нраву.

Работа в сфере публичной дипломатии

Когда завершилась моя командировка в Австралию и я вернулся в Россию, мне не удалось найти такое место работы, чтобы я мог продолжать заниматься корейской проблематикой, а высиживать до пенсии на бюрократической работе мне не хотелось. Поэтому взял неоплачиваемый отпуск и принял приглашение стать гостем-исследователем знаменитого Брукингского института в Вашингтоне, где проработал год. Можно было найти варианты продолжить академическую карьеру, но как раз мой друг Вячеслав Никонов основал Фонд «Русский мир» и искал знающих эмиграцию и дипломатию людей. И меня занесло в сферу публичной дипломатии. Это была одна из первых попыток использовать российские

инструменты *мягкой силы*, мне было интересно что-то новое для себя открывать. Удалось узнать новые страны – арабские, африканские, программами в которых руководил...

Мы стали создавать при зарубежных университетах русские центры. Я сам организовал порядка 15 русских центров, например, в Китае, обеих Кореях, ЮАР, Индонезии, Вьетнаме, Таиланде, Монголии, в Турции, Иордании, Кении, на Тайване¹.... Многие из них работают до сих пор, в отличие, например, от центров в странах Западной Европы, где все позакрывали. В странах Азии и Африки эта деятельность была очень востребована: нам говорили, как же хорошо, что русские снова вернулись и будут учить своему языку, культуре и традициям. Также занимался научными программами со странами АСЕАН, отвечая за работу национального комитета азиатско-тихоокеанского сотрудничества.

В отделении ООН в Бангкоке, Таиланд

Из опыта работы в т.н. *странах Юга* вырос мой интерес к новому феномену международных отношений – объединению БРИКС. Мы созвали первую встречу ученых и политиков тогда еще 4 стран (*Бразилия, Россия, Индия и Китай – Прим. ред.*) в 2008 г., до официального оформления БРИКС (*Бразилия, Россия, Индия, Китай, Южная Африка – Прим. ред.*). Морозным декабрьским вечером в гостинице *Арарат Парк Хаятт* мы провели встречу представителей стран БРИК – тогда приехали послы, бывшие министры, ученые из этих четырех стран. Мы разговаривали о том, как мы понимаем это объединение, какие у него перспективы, куда оно может эволюционировать. Из такого междусобойчика вырос академический форум. Позднее мы придумали создать в России неправительственный орган для координации исследований и международного взаимодействия по экспертной дорожке. Эта идея получила поддержку сверху, и в 2011 г. мы официально зарегистрировали Национальный комитет по исследованию БРИКС (НКИ БРИКС). По его образцу были созданы координационные центры в других странах, а они в 2013 г. основали постоянно действующий Совет экспертных центров БРИКС. Можно сказать, что дипломатия второго трека, или экспертная дорожка, опередила дипломатию первого трека: она стала генератором инициатив, каналом их проработки и обсуждения на правительственном уровне. В 2020 г. на базе НКИ БРИКС мы создали Экспертный совет. Россия как раз тогда председательствовала в объединении. Планирую предложить эту работу в ходе очередного председательства России в БРИКС, который в условиях международного разлома приобрёл особое значение для нашей страны как платформа защиты своих интересов и продвижения идей нового международного порядка.

---

¹ Упоминание в данном контексте Тайваня не означает, что интервьюируемый и редакторы отклоняются от официальной позиции РФ и не признают Тайвань неотъемлемой частью КНР.

«Я не получаю инструкции из МИДа», или работа в Группе экспертов по КНДР в СБ ООН

В зале заседаний Совета Безопасности ООН

В 2018 г. я приехал в командировку в Нью-Йорк на какое-то мероприятие, сейчас уже и не помню. У меня коллеги спросили, не хотел бы я поработать в Группе экспертов по КНДР при Совете Безопасности ООН. И я подумал: «Почему бы снова не попытать свои силы на практической работе?». У меня тогда еще и личные, семейные проблемы были, и мне хотелось уехать.

Работа здесь не слишком творческая. Мог бы даже сказать, что она неблагодарная, неприятная из-за постоянного конфликтного потенциала. Здесь постоянно сказываются противоречия между странами, нет единого понимания, что такое санкции, как они должны осуществляться, какие цели должны достичь. Это постоянно проявляется в повседневной трудовой деятельности, причем в очень острых формах. Я, как и все коллеги-эксперты, здесь работаю не как представитель своей страны. Но меня часто обвиняют в том, что я получаю инструкции из российского МИДа. Это не так. Я не получаю инструкции из МИДа. Особенно если учесть, что там сейчас работают многие мои ученики. Я их когда-то учил тем подходам, которые сам реализую в своей работе.

Вдобавок ко всему работаем мы очень много и периодами чрезмерно. Но благ у нас нет никаких. Никаких пенсий, медицинского обслуживания, социальных льгот. И отпуск у нас всего лишь 15 дней, причем взять его можно только спустя год работы.

Америка в целом *over-hyped*

В Нью-Йорке, США

Уровень жизни в Нью-Йорке лично для меня гораздо ниже, чем в Москве. Для меня этот, конечно, незаурядный, город застрял в прошлом. Это город был на пике в 1900–1920–1930-х гг. Сегодня он обветшал, стал неопрятен и небезопасен – это не сравнится с Сеулом, Токио, Шанхаем, с современными городами стран Азии. С моей точки зрения они куда более передовые.

Америка в целом *over-hyped*. Секрет американского доминирования в том, что США умеют подать красивую картинку. Мы смотрим американские фильмы, читаем американские журналы. Очень многие в мире считают, что *Coca Cola* и *Микки Маус* – это что-то очень хорошее, даже северокорейцы так думают. Виды Нью-Йорка куда более символические для нас, чем виды любого другого города не в США. Все это записывается в код личности по всему миру с самого детства.

Другие важные факторы – использование силы, грубой, военной, а также подкупы людей, подготовка кадров. Элиты многих стран отправляют сюда своих детей на учебу. Это тоже ведет к формированию зависимости от США. В Южной Корее почти все современные политики получили образование в США. Так что тяга к Америке у них в самом воспитании заложена.

Наконец, США сохраняют еще и валютно-финансовые рычаги влияния. Многие страны, те же азиатские тигры, зависят от власти доллара, власти американоцентричной финансовой системы. Сможет ли БРИКС создать собственную валютно-финансовую систему, узнаем в будущем. Не все так просто. Например, Индия, занимая антикитайскую позицию, часто подыгрывает США.

А вообще, если спросить любого американца, даже в далеком Техасе, то он с уверенностью скажет, что США – самая лучшая страна в мире, что все должны ей подражать и равняться на нее. Отмечу, что речь идет о США именно как о стране. Свое правительство они раскритикуют не хуже наших, но все равно будут считать себя самыми-самыми.

Спорт, развлечения и рок-н-ролл

На занятиях по пиклболу

В свободное время я стараюсь заниматься спортом. Здесь и в Таиланде, где люблю отдыхать, полюбил пиклбол – мини-теннис, несмотря на смешное название, очень

интересный азартный вид спорта. Также очень люблю плавать. Периодически хожу на всякие концерты, прочие развлекательные мероприятия. Слушаю живую музыку, по-прежнему люблю рок-н-ролл.

«ПИР-Центр для меня - динамичный и самостоятельный центр»

*Возле скульптуры «Нет насилию»
Карла Фредрика Ройтерсварда,
которая стала символом разоружения,
Нью-Йорк, США*

Когда я познакомился с Владимиром Орловым, я был впечатлен его целеустремленностью и талантливостью. Он и журналист, и ученый, и организатор. Его жизненный опыт поражает. С большим интересом и даже изумлением смотрел на то, как он совершает кругосветное путешествие. Искренне восхищен тем, что у него хватает сил, времени, интереса и желания, чтобы делиться с другими своим опытом.

ПИР-Центр для меня – динамичный и самостоятельный центр. Организация очень эффективно работает, на хорошем, высоком уровне. У нас было несколько совместных проектов (мероприятий и исследований). Фонд «Русский мир», например, оказывал финансовую поддержку Международной школе ПИР-Центра по проблемам глобальной безопасности. По ее образу и подобию мы разработали формат образовательных школ под эгидой НКИ БРИКС.

А если говорить про саму тематику ядерного нераспространения, то могу сказать следующее. Я никогда не понимал логику, что если избавиться от ядерного оружия, то наступит мир во всем мире. Какая между этим связь, мне совершенно не понятно. Если говорить про Корейский полуостров, то ядерное оружие – это фактор его безопасности. Не известно, куда бы все повернулось, если бы КНДР не создала ядерное оружие. Не считаю правильным, что из-за этого Ким Чен Ына (*руководитель КНДР с 2011 г. по наст. время* –

Прим. ред.) надо оценивать как негодяя: он ни на кого не напал, войну не развязал, соседям ничего плохого еще не сделал.

Личный секрет успеха

Мой девиз очень прост: делай, что должен делать, и будь что будет.

Интервью: Елена Карнаухова, Александра Зубенко

Редактура: Елена Карнаухова, Леонид Цуканов

Ключевые слова: Без Галстука; Корея; БРИКС

EDU/ALU